

Дина РУБИНА

ПО ДОРОГЕ ИЗ ГЕЙДЕЛЬБЕРГА

Кусками желтой халвы мелькнули жернова прессованного сена.

Очередной туннель всосал поезд с ухающим воем, раскачал в черной рябой утробе, выплюнул, — и по горным склонам, подскакивая, рассыпались черепичными гроздками городки, с неременной пикой на панцирном шлеме кирхи.

Время от времени промахивали заброшенные заводы с осколками солнца в разбитых стеклах — слюдяная парча, за которой угадывалась тьма. Почему в покинутых зданиях, где бы они ни встретились, обязательно разбиты окна?

Мое отражение плавало в солнечном мареве за окном, и деревья, городки и замки проносились сквозь мои отраженные глаза, плывущие по-над Рейном.

Несколько лет спустя от всей этой поездки остался только жемчужный мартовский день в старинном Гейдельберге.

Меня давно обещали свозить туда друзья, супружеская пара, лет пятнадцать живущая в Германии; и в единственный свободный от выступлений день я оказалась у них во Франкфурте, откуда уже до Гейдельберга было рукой подать.

Друзья, задумавшие показать мне товар лицом, все сокрушались, что погода не задалась. А по мне, так задалась весьма! Обитатель библейских скал, объятых безжалостным светом пустыни, — я так люблю эти матовые небеса умеренной Европы...

Да и в ином смысле весь этот день — череда туманных пейзажей, графика голых ветвей и ощеренные пиками елей черные пасти ущелий — выстроился так продуманно и точно, словно некий режиссер долго набрасывал мизансцены на бумаге, переставлял их местами, чиркал что-то, вносил изменения, но, подумав, убрал лишнее и, наконец, удовлетворенно откинувшись в кресле, велел собрать труппу.

И мы собрались, и после завтрака все же поехали, несмотря на дождь...

В гору, с которой открывался вид на весь Гейдельберг, рассыпанный по берегам реки, взбирались долго, витыми улочками с педантично расставленными на них указателями: «Кёнигштуль» — смешное, школьное, легко переводимое название...

Наконец, выкрутили на лесистую макушку, частью заасфальтированную под стоянку.

Для ослабевших от восторга туристов здесь был построен ресторан, к дверям которого по рельсам, проложенным от подножия горы чуть ли не вертикально, тяжело и долго вползала старинная вагонетка — желтая, с тремя ступенчато расположенными дверьми. Когда мы подошли к парапету, она только едва желтела среди елей внизу. Мы успели приблизить и исследовать в огромную подзорную трубу на высокой подставке старинный арочный мост с башенными воротами, полуразрушенный замок, знаменитый университет... а вагонетка все ползла и ползла — гудели рельсы, повизгивали провода, — и, наконец, вкатилась, вывалив на гору пассажиров тремя пестрыми языками...

Потом мы проехали к замку — величественным развалинам крепости династии Виттельсбахов, разрушенной некогда войсками Людовика Четырнадцатого — с циклопической толщины стенами, показывающими краснокирпичный испод, проросший давней травой.

Это был целый город, обнесенный рвом. Множество стилей сплеталось на огромном этом пространстве... Людвиги, Фридрихи, Генрихи тщились увековечить свои имена в башнях, рвах, подъемных мостах и гигантских винных бочках... Когда-то здесь была резиденция одного из блистательных дворов Германии... Увы — все пошло прахом. Хорошо, подробно, на совесть воевали в прошлых столетиях: крепость взрывали в какой-то старинной войне, сжигали...в нее попадали молнии... Династия Виттельсбахов беднела, не в силах каждый раз восстанавливать обширное это хозяйство; замок приходил в упадок и запустение...И только в девятнадцатом веке городские власти, спохватившись, принялись что-то реставрировать, заделывать, подделывать там и сям...(Моя бабушка, когда я в детстве являлась со двора с прорехой в майке или штанах, говорила, вдевая нитку в иголку: «А вот мы сейчас прихватим на живульку»... Долгие десятилетия эти живописные развалины немецкого Ренессанса «прихватывали на живульку», но, во всяком случае, отстроили неперменный ресторан, выставочный зал и помещение для администрации «Фонда друзей замка»... Эх, создать бы этот фонд друзей до того, как взрывались пороховые бочки, летела за стены горящая пакля и ухали, содрогаясь, пушки «короля-солнце»...Да что поделаешь!

— ...кроме того, каждое лето здесь проводятся музыкальные и театральные фестивали, — добавил мой друг. — Декорации-то вон какие — роскошные, натуральные, романтические!..Представь какую-нибудь «Риголетто» или «Аиду» летним вечером на фоне вон той башни!

Долгий выдох тумана расплзлся по каменным террасам...Великолепный замковый парк, расходящийся по склонам, изумлял гигантскими деревьями, изумрудными от сырого мха, и фонтаном, в котором полулежал большеголовый мраморный Нептун, похожий на лешего из русской сказки, — с лишаями плесени на плечах и зеленоватой бороде... Это было царство влаги, белых кувшинок на зеленой ряске воды...

Таблички вдоль дорожек, посыпанных мелкой галькой, предупреждали о том, что с наступлением темноты следует осторожно передвигаться, дабы не наступить на лягушек. Можно вообразить, что здесь творилось летними гремящими ночами, и как безжалостно давили лягушек ноги очередного юного Виттельсбаха, какого-нибудь влюбленного Фридриха, припустившего вдогонку за мелькающей среди кустов юбкой какой-нибудь Элизабет Стюарт...

Мы спустились вниз и долго гуляли под теплым дождем по блестящей черной брусчатке Старого города...

Завтракали на крытой террасе модного отеля, в доме семнадцатого века, перелопаченном классными дизайнерами так, что любо-дорого: посреди зала среди столиков росло дерево, выплескивающее макушку кроны в квадратное окно стеклянной крыши, повсюду на полу расставлены лампы в форме больших белых репьев, и маленький бронзовый Пан со свирелью у козлиной бородки, весело приподнимающая одно бронзовое копытце, но твердо упираясь в камень другим, прислушивался к журчанию воды в миниатюрном фонтане.

В уютном, изысканно обставленном фойе висели на стенах средневековые гравюры. Я отлучилась в туалет и на обратном пути задержалась у одной из них, на которой была изображена расправа над то ли неверной женой, то ли бесчестной девицей. Несчастную прикрутили длинными волосами к оглобле телеги и готовы уже были пустить коня вдоль по улице. Кнут в руках дюжего малого был поднят... Толпа вокруг с жадным интересом наблюдала за действием...М-да...

... А обедали уже за городом, в винарне. Это был приземистый деревенский кабачок: простые беленые стены, черные балки потолка, винные бочки вдоль стен... Два музыканта, очевидно, поляки — они подозрительно хорошо говорили по-русски, — бродили от стола к столу, наигрывая на гармошке и скрипке мелодии тех стран, к которым они безошибочно относили клиентов. Для нас, например, заговорщицки подмигивая и склоняя к нашим плечам скрипичный гриф, сыграли «Подмосковные вечера», а для шумной компании итальянцев за соседними сдвинутыми столами — «Вернись в Сорренто»... Мы молча выслушали преподнесенный нам «пряник» и также молча дали на чай пять евро; итальянцы же вдохновенно подпевали, дирижировали, не отпускали музыкантов, один отобрал у гармониста инструмент и под хохот приятелей пытался что-то из него извлечь...

В обратный путь тронулись в том же морозящем дожде, путаясь в длинных языках батистового тумана, ползущего с гор и бинтующего пики отборных, как строй гренадеров, неподвижных елей. Мокрые петли опасной дороги крутили автомобиль, как щепку. Клубни тумана восходили из черных щетинистых ущелий, на вершинах проплывали развалины башен, и время от времени слева разворачивалась долина с очередным белым городком, утонувшим в пенном облаке тумана по самые черепичные и сланцевые крыши.

По дороге мои друзья долго спорили, куда напоследок меня завезти — в некий замок, где, по слухам, владелец, старый граф, одинокий бездетный аристократ, допускал туристов в свои владения за небольшую мзду, — или в городок Мюльхайм, где, как мне объяснили, издревле жили еврейские ремесленники... Я не вмешивалась в их спор, мне было все равно, куда ехать, не от равнодушия — от тихого блаженства, в которое я была погружена с утра, как низинные городки были погружены в туман по самые крыши.

Наконец, решили в пользу ремесленников — оно и ехать ближе, пока еще свет не вовсе ушел...

И минут через десять мы уже парковали машину неподалеку от стеклянного куба «Макдональдса», одиноко стоящего на обочине дорожной развязки.

Поодаль, в двух сотнях шагов, тянулась каменная стена средневековой кладки. Нырнув в низкую и глубокую, как бочка, арку ворот, мы вынырнули на площади одного из тех туристических городков, будто срисованных с картинок из книги сказок братьев Гримм, которых рассыпано по Германии немало.

Все тут было как полагается: крошечная площадь с фонтаном, здание ратуши, старинные фахверковые, перечеркнутые черными балками, дома — как бы опившиеся пивом и потому слегка завалившиеся на спину. Фасады иных даже были покрыты граффити. На первых этажах размещались магазины сувениров, кондитерские, бары... — все тесное, кукольное, словно строители заранее тщились втиснуть все здания в кольцо городской стены.

Март, сумерки, отсутствие туристов... А горожане в это время уже укладываются спать — немцы рано начинают рабочий день.

Мы брели по совершенно пустынному городку, если не считать двух-трех заведывающих баров, одиноко сидящих над кружкой пива в освещенном окне.

Мой друг, который непременно хотел отыскать и показать мне местную синагогу (все мои друзья в Германии почему-то одержимы желанием продемонстрировать мне какую-нибудь синагогу или, что чаще, — место, где она когда-то стояла), шел, озираясь в поисках какого-нибудь прохожего.

Наконец, из темной боковой улочки показалась женщина, и он ступил с тротуара ей навстречу, обратился по-немецки. Та охотно ответила, стала объяснять и показывать, но запуталась, махнула рукой и — так я поняла — взялась отвести нас.

— А вы не русские, часом? — вдруг спросила она с надеждой.

Мы радостно отозвались.

— Ох, ну какая же удача у меня сегодня! — воскликнула она. — Вот я с утра чувствовала — что-то хорошее случится... А я, знаете, так тоскую по русскому языку, иногда даже подкарауливаю группы туристов и тихонько так пристроюсь сбоку и брожу с ними по городу, заодно и гида слушаю... Я поэтому все памятники здесь знаю, и все факты истории...

Она вела нас скудно освещенными, уже погруженными в глубокие сумерки улочками, по пути оживленно выясняя — откуда мы и сколько лет в Германии, и как мы тут — вообще?

— Ну что Израиль против нас? — спросила она меня. Я сделала вид, что не поняла вопроса.

— В смысле — где лучше? — простодушно уточнила она. И я, которая никогда не позволяет втянуть себя в подобные разговоры, вдруг ответила:

— Конечно, в Израиле.

— И она улыбнулась и не стала возражать. Сказала только:

— Здесь очень чисто.

Выяснилось, что она из Магнитогорска, давно, лет уже тринадцать... Двадцать восемь лет замужем за немцем, трое детей... Ну и в начале девяностых муж стал задумываться... Жизнь как-то так повернулась, знаете... Боже, что с нами делает жизнь...

Я была когда-то знакома с режиссером магнитогорского театра и сказала ей об этом. Она ужасно обрадовалась — она вообще как-то мгновенно и ярко отзывалась на любое слово такой искренней приязнью... Ну как же — у нее свояченица работала там, в театре, бухгалтером, доставала контрамарки! — и минут пять, пока шли, мы обсуждали постановки и актеров...

Завернули на какую-то узкую улицу и в глубине ее сразу увидели маленькую изящную синагогу нездешней архитектуры — с высокими окнами, двумя тонкими колоннами по краям входной двери, классическим портиком... За окнами было темно.

В свете фонаря отблескивал пяточок булыжной мостовой. Непередаваемое одиночество и чужеродность этого здания среди кряжистых фахверковых домов витали над улочкой... Оно выглядело отщепенцем в компании добропорядочных бургеров.

Наша провожатая сказала, что это — одна из немногих в Германии синагог, которая не была ни сожжена, ни разрушена. Более того, ее прихожане — сорок ремесленников-евреев — не были депортированы в лагеря и не были уничтожены! — В ее голосе звучала гордость новой гражданки за прошлое славного города.

— Представляете? — повторила она. — Не были уничтожены!

— Почему? — спросила я.

Она замялась — не ожидала, видимо, этого вопроса... Задумалась... Наконец ответила:

— Не знаю... Вот этого факта не знаю...

Мы постояли еще перед закрытой синагогой, потом побрели кружным путем к городской стене.

— И мэр у нас — замечательный человек! — говорила женщина. — Всегда приходит в синагогу на еврейские праздники, выступает: — «Мне без разницы, — говорит, — какой нации граждане. Главное — чтобы был порядок в городе...» Очень хороший человек... Я, знаете, уважаю вот людей, которые не националисты... Сейчас модно хаять и высмеивать это советское понятие — «дружба народов»... А я вот в середине семидесятых жила в Ташкенте...

— Тут я перебила ее, призналась, что родилась в Ташкенте, выросла и жила там много лет.

Она даже вскрикнула от радости... Мы наперебой принялись вспоминать любимые места, выискивать знакомых...

И хватая меня за руки, она повторяла в волнении: — Ну надо же!.. Ну вот как повезло мне!.. Я с утра чувствовала, просто чувствовала, что сегодня что-то произойдет!..

Мы дошли до городской стены, через все ту же глубокую мрачную арку вышли наружу. Пустой «Макдональдс» безнадежно и как-то безумно светился огнями.

Она провожала нас, не переставая вздыхать и сокрушаться...

— Эх, жаль, что вы прямо вот так сразу уезжаете! — говорила она. — Остались бы, а? Пошли бы мы завтра с вами в замок... Во-он там он, на горе, видите, какая громада? Графиня сама бы вам все рассказала и показала.

Я, уже открывшая дверцу машины, остановилась.

— Графиня? Сама?! С какой стати?

— Да она простая! То есть не простая, конечно, она португальская принцесса, но такая сердечная, такая живая... Издали завидит — машет рукой, кричит: «Как дела?» Очень сердится, когда обижают иностранцев. Я, говорит, сама иностранка...

— А вы, значит, хорошо знакомы с графиней?

Мой друг, мгновенно по лицу моему определивший, что я вышла на охоту (все-таки он и сам был литератором, издателем и книгопродавцом и понимал толк в таких вещах), только рукой махнул и достал сигарету из пачки. И они с женой отошли покурить.

— Так я же в замке работаю... Помогаю старшей горничной на приемах.

Да, это был поворот сюжета. Это была, как я догадывалась, запутанная дорога от Магнитогорска и Ташкента до сумрачной громады замка на горе и хорошей немецкой графини, которая сердилась, когда обижали иностранцев.

Тогда вам можно позавидовать, — сказала я с неопределенной интонацией. По опыту знаю, что только эта вот, незаинтересованная, интонация не насторожит человека и развяжет ему язык. А я давно уже не задаюсь вопросами нравственности в своем старательском деле.

— И не говорите! Много я повидала за эти несколько лет. За всю жизнь в Союзе такого себе и не намечаешь... Впервые не в кино, а наяву увидела на дамах эти вечерние платья с оголенными спинами, глубокие декольте, бриллианты в диадемах и ожерельях... А мужчины все во фраках, грудь белая, бабочки...

— Изысканная публика? — спросила я.

Она ответила:

— Изысканная... Пока не напьются. А как напьются, они такими же, как мы, становятся...

— А на чем же в замок съезжаются эти бароны-графы? — спросила я, стараясь, чтобы она не заметила моего хищного интереса.

— На машинах, на вертолетах... У нас там, в горах, есть вертолетная площадка... Этот замок, знаете, национальное достояние. Он бесценный, просто бесценный! Под охраной ЮНЕСКО находится. А иначе у графини просто денег не было бы подправлять его там-сям. Здание-то огромное, это сейчас в темноте не видно — в будние дни, когда приемов нет, графиня слегка экономит на электричестве...

Однако темные очертания замка на горе, заслоняющего изрядный кусок неба, даже отсюда, снизу, казались величественными...

— Замок-то — настоящее сокровище... — повторила она. — Старый граф, когда нацисты пришли к власти, бежал со всем семейством за границу... Он всю жизнь был по дипломатическому ведомству и оказался замешан в одном деле... Я не очень вдавалась, когда графиня рассказывала, но, в общем, он выправлял подложные документы и помогал беженцам скрываться...

— Каким беженцам? — спросила я.

— Ой, вот я вам не скажу точно... — огорченно улыбнулась она. — Надо бы у графини спросить, она все знает, — ах, жалко, что вы уезжаете!

— Так он бежал с семьей за границу... а как же... замок?

— О, это история, прямо «Монте-Кристо»! Здесь оставался старый Рихард, управляющий, он, знаете, из семьи, что пятое поколение графам служит, — деды его, прадеды здесь жили в замке, дочь его Эльза сейчас старшая горничная... Ну так он все успел спрятать, все имущество!

— Все имущество? Такого громадного замка?

— Да! Да! Так Эльза говорит, а она не станет врать — зачем ей? Он с тремя своими сыновьями все спрятал в каком-то укрытии, в лесу... Так что почти ничего не пострадало, — ну кое-где в парадных покоях позолоту содрали и резные панели старинные сняли в дубовой зале... а так ничего. А после войны графы вернулись и привезли молодую португальскую принцессу. Говорят, в молодости была ослепительной красоты, южных кровей, знаете...Поэтому и дети — симпатичные, кудрявые. Много, все-таки, значит — свежая кровь в старинных этих семьях...

— И сколько же у нее детей?

— Трое. Сын и две дочери. Внуки уже немаленькие. И все, знаете, очень удачные: работающие, образованные, хорошие специалисты. Графиня — строгая мать, всех воспитала в труде. Поэтому все ребята стоящие. Недавно вот только переполох был со старшим внуком, Алексисом. Он учился в Петербурге, влюбился там в сокурсницу, а она совсем простая девочка, из Петрозаводска. Забеременела. Скандал! А он уперся: женюсь, и все! Порядочный, понимаете? Это их графиня так воспитала.

— Ну и как выкрутились? — спросила я.

— Пришлось документы девочке покупать...

— Какие документы?

— Что она княгиня.

— А разве в России можно купить такие документы?

— В России, деточка, — сказала она, — все сейчас купить можно...

Она вздохнула, поколебалась — говорить или нет, — потом решилась...— У нас, когда Эльза не в духе, она проговаривается. Хотя и — слов нет! — графине предана, как курица петуху. Но ежели что не по ней, ежели графиня в чем отказала — так и бурчит, так целый день и бормочет, сплетни вяжет...

— И что ж за сплетни?

— Да так, глупости... — неохотно проговорила она, вероятно уже жалея, что коснулась этой темы... — Бурчит, что графиня легко так решает эти семейные проблемы, оттого что в свое время и для нее пришлось документами озаботиться... Мол, старому графу, как только он узнал, что сын влюбился в девушку из монастыря...

— В какую девушку из монастыря?

— Так ее, вроде, в монастыре прятали... — пояснила моя собеседница. — И как уж там они с молодым графом встретились, неизвестно, но такая безумная случилась между ними любовь... Я уж не знаю сейчас — что правда, а что нет, но только старшенький-то у них сорок пятого года рождения... — Она вдруг умолкла, как спохватилась... — Ну и, словом, старому графу ничего другого не оставалось, как и ей документы выправить... Ой, да я же говорю — глупости все это, какая разница — кто, где... Эльза — просто старая сплетница!.. А насчет Алексиса я тоже думаю — совет да любовь. Подумаешь — простая! А наша-то императрица, Катерина Первая, — разве не простая была? Не Катька обозная?!

— И ничего, что ребеночек раньше родится. Это ж не средневековье какое, что девицу, бывало, привяжут волосьями к телеге — да и волокут по деревне... ужас!

— Вообще-то они небогатые, — сказала она доверительно. — Денег-то у них нет. Я месяца три назад была в крыле молодого графа, помогала с приемом в честь помолвки его дочери, средней внучки графини. Так я вам скажу: вот я —

эмигрантка, но как по мне, мое постельное белье куда лучше графского — крепкое, чистый хлопок и лен. Знаете, ивановская мануфактура. А у наших-то, у графьев, все белье, скатерти, занавески... такое все старое, тонкое, ветхое... Я перед приемами начищаю на кухне мятые их серебряные плоски-тарелки. Господи, — говорю, — да как же можно таким знатым гостям на такой рухляди подавать? А Эльза мне в ответ: — Ты только сдуру при графине этого не ляпни. Это посуда фамильная, с гербами, шестнадцатый век...

Мой друг с женой докурили свои сигареты, и он легонько постучал ногтем по стеклу часов... Мне сегодня еще надо было добираться до Дармштадта.

А наша провожатая никак не могла расстаться со мной, «ташкентской весточкой». Все время обрывала себя, спрашивала с надеждой:

— А Юсуфа Рахматуллаевича из «Узбекбирляшу», случайно, не знали? А Оганесяна — он в семидесятых был начальником главка?..

Мой друг открыл дверцу машины, сел за руль... Махнул мне нетерпеливо...

— Красиво у нас, когда охота... — сказала она. — Все егеря окрестные съезжаются, такие костюмы роскошные, все на лошадях... Рога трубят — аж досюда звуки доносятся, воздух-то какой у нас — горный, прозрачный...

Стали уже прощаться совсем. Я села в машину. А она все стояла у дверцы и, наклонившись к окну, повторяла:

— Вы еще приезжайте, я познакомлю вас с графиней, она простая, живая такая, вот на вас похожа, даже внешне... Португалия, а там Испания близко... Такие, знаете, черноглазые края...

— Знаю, — сказала я.

Мы стояли на перроне, ждали поезда на Дармштадт. Неподалеку от нас прогуливалась немолодая, но статная, с модной прической на красиво посаженной голове, женщина. Несколько раз мой взгляд задерживался на ней, и я вдруг подумала, что именно такой представляю себе графиню из замка.

И пока ожидала свой поезд, на перрон прибыла электричка.

Женщина вошла в освещенный вагон, села у окна и, стянув перчатки, принялась, глядя в свое отражение, взбадривать ладонью прическу, поддавая себе легких подзатыльников и похлопывая себя по вискам, словно приводя в чувство. Взгляд ее был направлен в стекло, в никуда — отстранен... Но я-то видела ее внутри освещенного вагона, и значит, наша мимолетная встреча все еще длилась.

Наконец поезд дрогнул, качнулся и поволок ее прочь, как волокли в старину неверную жену или потерявшую стыд девицу, прикрутив волосьями к телеге...